

Михаил
Жемцев

ТАЁЖНЫЙ РАССВЕТ

* * *

Колючею стеной стоит сосняк,
Цветут жарки,
бордовый марьин корень,
И радуется восхищённый взгляд
В таёжном, удивительном просторе.

Но эти, остро колющие вьсы,
Деревья на цветущем горном склоне,
Они в том месте разом поднялись,
Где жил народ,
родной земли лишённый.

Тогда весна стремилась в край тайги,
Все ждали птиц из солнечного юга,
Но с грифом «СКА»* ночью привезли
Людей неразговорчивых, угрюмых.

Они с опаской прятали детей
Под пологом своих широких платьев,
Они сквозь пепел пережитых дней
Несли незримо
горькие проклятья.

И там, на горном склоне, вдалеке,
Подняли молча утлые строенья,
Кинжалом в грозно поднятой руке
Им грелись кавказские виденья.

И вся округа в каждый божий час
Посёлок стороною обходила...
И в день отбытья их на свой Кавказ
Колючие сосенки посадила.

Минули годы...

Встал он, как стена,
Сосняк, иголки в небо запрокинул,
Напоминая всем, какой была
Беда народа на лесной чужбине.

* СК (сокр.) – Северный Кавказ.

* * *

Архистратига Михаила
Храм представляется вдали,
Там мою матушку крестила
Родня, в младенческие дни.

Был неприветным год тридцатый,
Всех звали в трудовой колхоз,
Ну а «поскрёбьш» верил свято:
За бедноту стоит Христос.

Я раньше в старой Лутне не был,
Но зримо различал окрест
Над речкой Лутенкою в небе
Высокий православный крест.

Какая жизнь досталась маме:
Война, концлагерь, море зла!
Молитву детскими словами
Она вот в этот храм несла.

Она же верила – поможет
Архистратига образ ей.
И Михаил всего дороже
Казался, ближе и родней.

Когда и я под майским небом
Глаза на белый свет открыл,
То мама объявила: «Это
Явился миру Михаил!»

Она ушла в другие дали,
Откуда нет назад пути...
Но в Лутне я вернулся к маме,
Ей поклонился до земли.

* * *

В. Тихомирову

Это только присутствие мастера.
Он ушёл далеко-далеко,
В те края, где места беспристрастные,
Словно вид в чёрно-белом кино.

Сколько в жизни он прожил
потерянных
И уже неисправленных дней.
Всё искал выраженья немерянных
В своём сердце кипучих страстей.

Потерял... Аренсфельдские пажити
Пожелтели от жухлой травы.
Где же мастер? Всё то, что им нажито,
Уместилось в чужие миры.

Где ни дома, ни слова приветного,
Ни любимой до боли, до слёз.
Эх, поэт! От признанья ответного
Слушай отзвуки майские гроз.

ТАЁЖНЫЙ РАССВЕТ

В заповедном логу, между пихт
и берёз светлоликих,
Там где сон заметенных снегом
седых кедрочей,
Под белки убегают рассветные
легкие блики,
Словно светят огни заревых
восходящих лучей.

Я стою перед ними,
к скалистым горам вознесённым,
Преклоняю своё существо
под просторы небес.

Скоро грянет весна
на таёжные эти затоны,
И весь мир очарует звериный
и птичий оркестр.

Он под утро прошёл по сугробу,
по гулкому насту,
Широко приседая спросонья,
лохматый медведь.
И сороки в логу заповедном
стрекочут глазасто,
Приходите скорее
хозяина леса смотреть!

* * *

Ю. Катаеву

Он жизнь узнал по мудрым книгам,
Любовь хотел себе найти,
И сердце рвалось от обиды,
Когда вразрез их шли пути.
И свой талант незаменимый
Творить рифмованной строкой
Дарил соседу-псевдониму,
Знакомой с базы шоферской.
И стихотворный слог певучий,
Присущий образным словам,
И столько бережных созвучий
К чужим причислил именам...
И кто ему сегодня скажет,
Что кривды нераскрытой нет?
Читайте – вам стихи подскажут,
Писал их истинный поэт!

* * *

Вьётся вёрткая Топкуша,
Словно змейка, между пихт,
А над ней живёт в избушке
Седоусый мастер рифм.

На заре топор поправил,
По лесине вдоль прошёл,
А потом листком бумаги
Во дворе украсил стол.

Всё, что справа, всё, что слева
Над тайгою пронеслось,
Он рукой своей умелой
В пятистишия занёс.

Что б ни мыслил –
 днём ли, ночью, –
 У него у одного
 В сокровенные пять строчек
 Умещается легко.

Только наш поэт таёжный
 Над родимым Зимовьем
 Крест Поклонный, придорожный
 Поднял ввысь минувшим днём.

И спешащий путник рядом,
 Осеня лоб перстом,
 Благодарною наградой
 Долго думает о нём.

ТАРХАНСКОЕ ВПЕЧАТЛЕНИЕ

Где Ульба слегка торопит волны,
 Где уже запели соловьи,
 Я стою весенним чувством полный,
 Ощущаю запахи земли.

Одуванчик жёлтою дорожкой
 Под ногами в тальники зовёт,
 По нему ступая осторожно,
 Ухожу на шум текущих вод.

Майский день торопится к полудню,
 И друзья о многом говорят,
 И твердит Аркадий нам, что будет
 В доме у него семейный лад.

Хорошо им с Олей, на природе
 Удивлять, кто в гости к ним пришёл.
 Вон уж марьин корень в огороде
 Броскими бутонами зацвёл.

Пёстрая кукушка с чёрной ивы
 Подсчитает – сколько будем жить
 На Тарханке, долгих лет счастливых...
 Эй! Иди гнездо скорее вить!

* * *

Встану нынче спозаранку.
 Светит солнца яркий круг.
 Путь недолгий, в Черемшанку,
 Где живёт хороший друг.

Он всё бегаёт по кручам,
 Мало что ль ему дорог? –
 На Алтае самый лучший,
 Самый истинный ходок.

Если снег метёт под крыши
 И кругом морозный вид,
 Он на лыжах, фирмы «Фишер»,
 Трассу снежную торит.

И все мчит по быстрой трассе,
 Молодёжь зовёт вперёд.
 Настоящий, в общем, мастер
 Лыжных гонок, круглый год.

Вот пейзаж нашёл отменный,
 Глаз наводит цифровой,
 С фотокамерой «Кенон»
 Кадр делает цветной.

И зимой, и жарким летом
 Всё слова рифмует он,
 Занимательным поэтом
 На Алтае наречён.

* * *

Брату Валентину

Три ровка* до Пестраковки,
 Два до Лутенки ровка –
 Пять ручьёв текут в Глушовку
 С небольшого бугорка.

Аромат густой, чоборный
 Всюду чувствуется там,
 В ухожаях** мёд отборный
 Расплескался по цветам.

Если очень торопиться
 И скорей домой бежать,
 Можно и воды напиться,
 И домой не опоздать.

Поспешаем по дорожке,
 Вот ровок, ещё ровок.
 А потом, ещё немножко, –
 Виден пасеки порок.

* Ровок (мест.) – временное русло с ручьём.

** Ухожай (мест.) – медовое угодие.

МАРК

Металась буря в воздухе осеннем,
 Раскаты грома рвались между гор,
 И молния с неистовым волнением
 Чертила в небе огненный узор.

И ветер провода с электросветом
 Порвал – и вечер тёмный наступил...
 И телефон сквозь много километров
 На целый Мир звонком провозгласил,

Что вспыхнул он –
 слепящий жизни лучик,
 Сквозь бурю просветил осенний мрак:
 И сына сын, и долгожданный внучек,
 Под именем простым
 и светлым – Марк.

* * *

Мы под Высоцкого хрипели
 с упоением,
 Мы свои связки надрывали до основ,
 И мы гордились, что тогда,
 порой осеннею,
 Он выбрал наш таёжный,
 тихий городок.

От непогоды дождь
 из купола высокого
 По мокрым улицам
 и площадям хлестал.
 А на афише,
 для Владимира Высоцкого,
 Был во Дворце готов
 балкон и целый зал.

Эх! Как же я, –
 с магнитофонной рваной записью,
 С шипением, грохотом
 и скрежетом глухим, –

Не разглядел, не угадал,
 почти сознательно,
 Что на концерте том
 быть должен рядом с ним.

Что будут мне нужны
 слова его глубинные,
 Его летящий в беспредельность
 вещей смысл,
 Отождествлять с его поющим
 вечным именем,
 На годы многие тогда запомнить их.

И только двое в зале
 каждое движение,
 Аккорд гитарный,
 выдох, каждую строку
 Душой ловили, –
 ощущая пробуждение
 На муки творчества
 на жизненном веку.

* * *

Петру Лопатину

Рябины гроздь, как мазки
 Пейзажа импрессиониста,
 Движеньем мастерской руки
 Как будто в воздухе зависли.

Ни ветра лёгкого вокруг,
 Лишь эти красные соцветья
 Подняли яркий полукруг –
 Полнеба надо мною метя.

Уходит осень... Тишина
 Из дома просится наружу.
 Пойдем с тобою, старина,
 В рябиновое полукружье.

Михаил Немцев, член Союза писателей Казахстана и Союза писателей России, академик Петровской академии наук и искусств, Почетный гражданин города, руководитель Риддерской городской писательской организации «Писатели Рудного Алтая».

